

**КАВКАЗ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.:
ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ И МОДЕРНИЗАЦИИ
НА ЮЖНОЙ ОКРАИНЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Amiran Urushadze

**THE CAUCASUS IN THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES:
PROBLEMS OF GOVERNANCE AND MODERNIZATION
ON THE SOUTHERN OUTSKIRTS
OF THE RUSSIAN EMPIRE**

The study is based both on previously published and unpublished archival documents. The article refers to a variety of materials from federal, regional and college archives. The article is devoted to problems of administration and education development on the southern outskirts of the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries. That was a time of systemic crisis in the Caucasus. The revolution of 1905–1907 and the intensification of insurgent groups' activity created a situation where the Russian Empire risked losing the Caucasus. Many deficiencies in the work of administrative institutions and the decrease in the pace of modernization aggravated the situation. It was already in the late 19th century that the representatives of the regional administration pointed to the crisis in the Caucasus. The Russian Empire faced problems of war in the Caucasus again, and to overcome the crisis a Caucasian Viceroyalty was established. The Caucasian Viceroy received a number of administrative privileges. In this regard, the Caucasian Viceroyalty was an attempt to escape from the Empire for the sake of the Imperial interests. The ruling elite of in the capital of the Empire was against the return to the vicegerency which was most severely criticized by Chairman of the Committee and the Council of Ministers S. Yu. Witte, who almost succeeded in achieving the abolition of vicegerency in December, 1905. Primarily, the Russian administration needed to find effective ways of combating units of abrekhs (outlaws expelled by their tribes). The most dangerous enemy of the Russian administration in the region was the legendary abrek Zelimkhan Gushmazukaev. His popularity and prosperity undermined the authority of the official rulers. Soon Caucasian Viceroy I. I. Vorontsov-Dashkov proved it was impossible to resist the instability by means of punitive methods alone. The Viceroy proposed a reform programme to alleviate the

situation. An important part of the reforms was the development of education. However, the lack of funds did not allow for its systematic implementation. Thus, the problem of complex modernization of the Caucasus did not receive a full solution. The Caucasus remained a problematic region of the Russian Empire. Overall, it may be stated that the Romanovs' policy in the Caucasus was one of half accomplished measures and half passed ways.

Keywords: Caucasus; Caucasian Viceroyalty; I. I. Vorontsov-Dashkov; modernization; state institutions.

Статья основана на опубликованных и архивных документах. Используются материалы федеральных и региональных архивов, а также документы из архивов научных учреждений. Статья посвящена проблемам развития институтов администрации и образования на южной окраине Российской империи в конце XIX – начале XX в. Это время системного кризиса на Кавказе. Революционные события 1905–1907 гг. и активизация повстанческих групп угрожали России потерей контроля над регионом. Многочисленные изъятия в работе административных учреждений и потеря темпа модернизации усложняли ситуацию. Уже в конце XIX столетия раздавались тревожные голоса представителей региональной администрации, отмечавших кризисный характер сложившейся ситуации. Российская империя вновь столкнулась с проблемами времен Кавказской войны. Для их разрешения был восстановлен победоносный институт – Кавказское наместничество. Кавказский наместник, как и ранее, получил множество административных прав и привилегий. В этом отношении Кавказское наместничество являлось бегством от империи для сохранения интересов империи. Возвращение к наместничеству встретило сопротивление части столичной государственной элиты. Одним из критиков этой идеи стал председатель Комитета и Совета министров С. Ю. Витте, едва не добившийся упразднения наместничества уже в декабре 1905 г. Прежде всего обновленной российской администрации необходимо было найти эффективные методы борьбы с абречеством, захлестнувшим край. Лидер одной из таких групп, легендарный Зелимхан Гушмазукаев пользовался поддержкой среди местного населения и представлял большую угрозу для официальных властей. Использование против недовольных исключительно карательных методов было бесперспективно. Это очень скоро осознал предпоследний кавказский наместник И. И. Воронцов-Дашков, который выступил с проектом масштабного реформирования края. Усилия наместника были направлены на усовершенствования работы образовательных заведений, развитие которых могло стать залогом возвращения лояльности широких слоев местного населения. Однако на проведение комплексной модернизации наместнику не хватило финансовых средств. Кавказ остался проблемным регионом в составе Российской империи. Можно сказать, что политика Романовых на Кавказе была политикой наполовину осуществленных дел и наполовину пройденных путей.

Ключевые слова: Кавказ, Кавказское наместничество, И. И. Воронцов-Дашков, модернизация, государственные учреждения.

Кавказ в политике России – это во многом бег по кругу, где по мере движения происходит постоянное возвращение к уже пройденному и, казалось бы, окончательно преодоленному. В отчете о деятельности Кавказского наместничества в период с 1855 по 1880 г. великий князь Михаил Николаевич не без гордости отмечал многочисленные перемены, произошедшие за это время в крае. Окончание Кавказской войны позволило расширить сферу гражданского управления, а это повлекло за собой широкое распространение общеимперских судебно-правовых практик за исключением тех случаев, «когда отступления от оных не оказывалось, по местным условиям, совершенно необходимым» [ГАРФ, ф. 678, оп. 1, д. 687, л. 4]. Не меньшее значение имели крестьянская реформа (1864–1870), значительное увеличение численности городского населения (с 350 до 550 тыс. человек), прокладка железных дорог (общей протяженностью более 950 км) [ГАРФ, ф. 678, оп. 1, д. 687, л. 2–18]. Через пятнадцать лет после завершения Кавказской войны многим казалось, что самое трудное уже позади. Современники были полны оптимизма: «После покорения Кавказа народилось уже новое поколение, чуждое воинственным тревогам прошлого...» [Вайнахи и имперская власть, с. 169].

Последовавшая в начале 1880-х гг. ликвидация Кавказского наместничества и Кавказского комитета не только практически, но и символически лишила Кавказский край особого административного статуса в составе Российской империи. Однако взятый в царствование Александра III курс на форсированную интеграцию региона с внутренними губерниями империи в рамках единого, унифицированного административно-правового поля не только себя не оправдал, но оказался дополнительным катализатором развития общественно-политических процессов, приведших к нарастанию общего системного кризиса. Впечатление, что на Кавказе империя как никогда близко подошла к реализации стратегической задачи всей своей политики в отношении окраин – полного их слияния с другими частями государства [АКВ, с. 387], – на деле оказалось опасной иллюзией.

В историографии широко распространена оценка, согласно которой модернизация региона, проведенная империей в XIX столетии, привела к формированию и развитию на Кавказе ряда национальных движений. Российский историк З. Д. Авалов так писал о грузинском национальном возрождении:

Для правильной оценки этих явлений необходимо помнить, что Грузия в начале XIX века переменила азиатское средневековое на российский казарменно-канцелярски-патриархальный строй; что две почти трети этого века заполнены были на Кавказе военной эпопеей, в которой грузины принимали живое участие; что духовное и политическое возрождение народов-неудачников есть продукт европейского свободолюбия... [Авалов, с. 477–478].

Также отмечается, что общеимперский политический контекст революции 1905–1907 гг. способствовал запоздалой «весне народов» на Кавказе [Каппелер, с. 401]. Кроме того, в качестве местных факторов, приведших к массовым беспорядкам в крае, принято выделять «особые приемы» по русифицированию региона, широко практиковавшиеся в 1896–1905 гг. главноначальствующим на Кавказе Г. С. Голицыным, но давшие «противоположные их цели результаты» [Флоринский, с. 381]. Известный отечественный кавказовед Д. И. Исмаил-Заде среди предпосылок «кавказской смуты» начала XX в. отметила значимость аграрного перенаселения ряда районов Кавказа [Исмаил-Заде, с. 112].

В этой работе предпринята попытка рассмотреть кавказский кризис начала XX столетия в связи с проблемами системы управления и модернизации края. В качестве исходного тезиса отметим, что в процессе нарастания напряженности в регионе на рубеже XIX–XX вв. не последнее значение имели именно кризисные явления в работе российских судебно-административных институтов и образовательных учреждений – основных очагов модернизации южной окраины.

Тревоги российской администрации на Кавказе

В «Политическом обзоре Терской области и Ставропольской губернии за 1899 год» [Архив КВИГИ, ф. 1, оп. 3, д. 1, л. 2–8] представители местной администрации обращали внимание вышестоящих начальников на ряд тревожных обстоятельств и негативных «условий народной жизни». Так, в частности, в отношении горского населения Терской области откровенно отмечался «застой в развитии названного населения», который был обусловлен условиями жизни горцев, не претерпевшими значительного изменения со времени их покорения. В обзоре отмечено, что большинство горцев, исповедующих ислам, крайне нетерпимо и даже «с презрением» относилось к христианскому населению области. На почве религиозного фанатизма возникала «масса убийств, разбоев и грабежей». Основной причиной такого удручающего положения дел была определена крайне низкая эффективность местной российской администрации: «...учреждения администрации, которые ближе стоят к народу, исполняют лишь чисто полицейские обязанности и в деле своевременной помощи нуждам населения, по незнанию туземных языков, находятся в зависимости от переводчиков – туземцев же...» [Архив КВИГИ, ф. 1, оп. 3, д. 1, л. 3]. Деятельность российской администрации в регионе к концу XIX столетия свелась преимущественно к мерам принуждения: арестам, ссылкам, штрафам, насильственному разоружению, – почти полностью лишившись своей преобразовательной «цивилизаторской» компоненты, которая являлась основой политики ряда кавказских наместников – М. С. Воронцова (1844–1854), А. И. Барятинского (1856–1862), великого князя Михаила Николаевича (1862–1881).

Одним из ключевых направлений политики российской администрации на Кавказе в 1840–50-е гг. было развитие сферы образования, формирование и расширение сети учебных заведений. Именно европейское образование и просвещение были надежным каналом формирования широкой социальной опоры Российской империи в регионе. Между тем во второй половине XIX в. развитие институтов образования в крае замедлилось. Так, например, инспекция народных школ Терской области, учрежденная в 1877 г., за период до 1900 г. не открыла ни одной новой школы [Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 3, д. 1, л. 5]. Касаясь положения народного образования, автор «Политического обзора» отметил следующее: «Учебный персонал в области и губернии во всех учебных заведениях нельзя назвать в большинстве случаев отвечающим своему назначению, много есть преподавателей даже в гимназиях и реальном училище, из туземных уроженцев, плохо говорящих по-русски, с неправильным произношением русских слов» [Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 3, д. 1, л. 7].

Как показывает опыт предшествующих этапов интеграции Кавказа в пространство Российской империи, общий уровень квалификации чиновников администрации во многом определялся успешным развитием местных образовательных учреждений, качеством их преподавательского состава. Ведь именно учебные заведения Кавказского учебного округа являлись кузницами административных кадров края.

Подводя неутешительные итоги своего «Обзора», чиновник отметил, что горцы Терской области фактически оказались предоставлены сами себе, а образовавшимся социокультурным вакуумом с успехом воспользовались представители исламской религиозной элиты, почти полностью подчинившие себе умы и общественную жизнь местного населения [Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 3, д. 1, л. 5].

Одной из причин кризиса российской администрации на южной окраине империи являлась и неудачная политика, проводившаяся в отношении горского самоуправления. В 1871–1906 гг. в Терской области сельские старшины не избирались односельчанами, а назначались ее начальником. При этом имперская администрация использовала сословный принцип, назначая на должность сельского старшины представителя местной знати. Однако российские власти не учитывали того факта, что общественные преобразования 60-х гг. XIX в. серьезно «сжали» социальную роль знати в жизни сельских обществ. Чиновники российской администрации, как отмечает Д. Н. Прасолов, «почти сразу обнаружили свою неготовность адекватно оценивать их (знатных сельских старшин. – А. У.) управленческие методы, граничившие с самоуправством, и эффективно урегулировать внутриобщинные конфликты, где потерпевшей стороной выступал знатный глава общества» [Прасолов, с. 33].

Уже в первые годы XX столетия начинают открыто звучать предложения о необходимости скорейшего реформирования кавказской администрации. В 1903 г. подполковник Д. С. Барановский представил записку «Причины разбоев, грабежей и других беспорядков в Закавказье

и способы к их искоренению», где с настойчивостью утверждал: «...для достижения полного порядка на Кавказе в близком будущем и постепенного его культурного развития нужны следующие коренные реформы: первое и самое важное – это реорганизация административных учреждений» [Кавказ и Российская империя, с. 481]. Наряду с жесткими мерами по усилению полицейского контроля проект Д. С. Барановского предполагал и активизацию культурно-образовательной политики.

Пока в Петербурге обдумывали возможные преобразования, положение на Кавказе стремительно скатывалось к масштабному кризису, угрожавшему для империи потерей региона. Начальник Терского областного жандармского управления в докладе командиру корпуса и товарищу министра внутренних дел К. Н. Рыздзевскому от 29 апреля 1905 г. отмечал: «...не могу обойти молчанием того бьющего и теперь в глаза обстоятельства, что столь трудно доставшийся нам Кавказ – бочка с порохом, которую следует оберегать от искры, хотя бы самого слабого напряжения, достаточной чтобы весь его взорвать» [Архив КБГИ, ф. 1, оп. 3, д. 1, л. 13]. Среди причин такого бедственного состояния края в докладе были обозначены неразвитость общественной жизни, а именно: «Незначительное число лиц свободных профессий, преобладание среди интеллигентов отставных военных и чиновников, отсутствие всякого рода кружков и обществ...» [Архив КБГИ, ф. 1, оп. 3, д. 1, л. 17]. Отдельно указывалось на то, что военные столкновения на Кавказе оставались перманентным явлением:

Не редкость, что на улицах самого Владикавказа происходят перестрелки с вооруженными шайками горцев, устраивающих набеги на денежные кассы и склады казенного оружия, о селениях и станциях и говорить нечего: местная хроника положительно переполнена сообщениями о грабежах и убийствах, в которых потерпевшей стороной являются сельские и станичные жители [Архив КБГИ, ф. 1, оп. 3, д. 1, л. 18–19].

В 1905–1907 гг. такая ситуация была характерна не только для Терской области, но и для всего Северного Кавказа. Так, ввиду общего ослабления власти в горных и предгорных районах Терской, Кубанской и Дагестанской областей появились многочисленные банды разбойников-абреков. Главари банд были способны контролировать целые районы, где в условиях дефицита официальной власти и кризиса доверия к институтам российской администрации устанавливали новый «справедливый» порядок. На примере стихийной канонизации погибших в это время абреков, объявлявшихся святыми (шейхами) [Бобровников, с. 82], можно видеть, как империя проигрывала борьбу в идеологической сфере, где имперская законность и идентичность уступали свои позиции радикальным убеждениям. Последнее стало зримым следствием неудовлетворительной работы местной администрации в области народного образования и просвещения. Империя потеряла статус культуртрегера. Это обстоятельство только усугублялось

ввиду того, что, как отмечалось в докладе начальника жандармов Терской области, «со времени покорения Восточного Кавказа, культурная миссия России здесь далеко еще не окончена; впереди нам предстоит сделать гораздо больше, чем было сделано до сих пор» [Архив КБГИ, ф. 1, оп. 3, д. 1, л. 18]. Очевидно, что тотальный кризис, охвативший российскую администрацию в регионе, мог быть преодолен только радикальными преобразованиями в системе управления.

Опыт прошлого в преодолении проблем настоящего

26 февраля 1905 г. Николай II подписал указ «О восстановлении должности наместника на Кавказе» [Законодательные акты, с. 28–29]. Наместником был назначен крупный государственный деятель, бывший министр императорского двора и уделов, входивший в ближайшее окружение Александра III, граф И. И. Воронцов-Дашков. Как и его наиболее известные предшественники на этом посту М. С. Воронцов и А. И. Барятинский, И. И. Воронцов-Дашков начинал карьеру именно на Кавказе, где принимал участие в боевых действиях на завершающем этапе Кавказской войны. Наместник наделялся особыми полномочиями в гражданской и военно-полицейской сферах управления, являлся членом Государственного совета, Совета и Комитета министров, главнокомандующим войсками наместничества, войсковым атаманом кавказских казачьих войск. Как и ранее, он непосредственно подчинялся лично императору. Невозможность постоянного и деятельного участия кавказского наместника в заседаниях высших государственных институтов породила учреждение должности постоянного представителя наместника в Петербурге – своеобразного Кавказского комитета в одном лице. Эту должность 13 мая 1905 г. занял известный и влиятельный государственный деятель, управляющий делами Комитета министров, статс-секретарь барон Э. Ю. Нольде.

Далеко не все в столице империи были готовы отдать богатую южную окраину в почти независимое управление вновь назначенного наместника. Возрождение института наместничества встретило сопротивление. Одним из наиболее опасных оппонентов И. И. Воронцова-Дашкова стал председатель Комитета и Совета министров С. Ю. Витте, едва не добившийся упразднения наместничества уже в декабре 1905 г. [Волхонский, Муханов, с. 107]. Полномочия наместника, введенные императорским указом 26 февраля 1905 г., скорее

И. И. Воронцов-Дашков, наместник кавказский. Тифлис, 1905 г. Придворная фотография Мищенко. Фотограф Б. Козак

провозглашались, а не закреплялись. Наместник должен был постоянно бороться за свою самостоятельность, доказывая императору необходимость автономной формы управления краем. Именно это являлось лейтмотивом всеподданнейшей записки И. И. Воронцова-Дашкова от 10 февраля 1907 г., в которой он мягко, но настойчиво убеждает монарха в правильности принятого ранее решения: «Все те основания, по которым Вашему Величеству благоугодно было восстановить должность наместника, приобрели ныне в моих глазах, по ближайшем ознакомлении на месте с делом управления Кавказским краем, значение неопровержимых доказательств невозможности управления далекою окраиною из Петербурга» [Кавказ и Российская империя, с. 493].

Кризисные явления на Кавказе, во многом заставившие официальный Петербург вернуться к проблемам полувековой давности, реанимировали и один из наиболее успешных имперских институтов управления краем. Само по себе воссоздание Кавказского наместничества было символом обособленности края и знаком признания его специфики официальным Петербургом. Наместничество являлось победоносным институтом, с именами кавказских наместников связывалось окончание казавшейся бесконечной Кавказской войны. Кроме того, данный институт пользовался признанием местного населения, которое с восстановлением наместничества связывало надежды «на гражданское и культурное обновление во многом обветшавших условий кавказской жизни» [Флоринский, с. 389–390].

Как бороться с абречеством?

Одной из наиболее сложных проблем, требовавшей незамедлительного решения, была организация противодействия абречеству. Банды абреков хозяйничали в ряде районов Кавказа, нанося существенный хозяйственный и финансовый урон, еще более подрывая и без того сильно пошатнувшийся авторитет официальной администрации. И. И. Воронцов-Дашков лично возглавил «войну» с абреками. В своем секретном циркуляре от 14 сентября 1908 г., предназначавшемся губернаторам, начальникам областей и отдельных округов Кавказского края, наместник приказывал: «...периодически к 1–15 числам каждого месяца представлять мне через особый отдел Канцелярии наместника подробные сведения о случаях преследования, поимки и уничтожения разбойничьих шаек...» [ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 756, л. 1]. Кроме того, в декабре того же года наместник предписывал главам областей и округов Кавказского края: «Увольнять со службы тех полицейских приставов и начальников участков и входить в установленном порядке с представлениями об увольнении тех уездных начальников, в районе которых разбои принимают хронический характер» [ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 756, л. 51 об].

Нередки были случаи когда неумелые действия чинов российской администрации провоцировали вооруженное неповиновение горцев. Региональные власти позволяли северокавказскому казачеству проводить показательные, унижительные и никак не регламентированные акции по насильственному разоружению местных жителей [ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 756, л. 59]. Между тем ношение оружия мужчинами на Кавказе имело важный символический аспект, выступая признаком свободного человека. Лишение оружия воспринималось горцами как посягательство на их социальный статус. Произвол властей подпитывал недовольство местного населения, а наиболее отчаянные пополняли отряды известных абреков. Серьезным инцидентом, возникшим в результате бесконтрольного разоружения горцев, стало столкновение воинских частей с чеченцами на базаре Гамурзиевского селения Веденского округа 14 марта 1909 г.

Регламентированный порядок изъятия оружия был введен в наиболее беспокойной Терской области в том же 1909 г. В циркуляре начальника области атаманам отделов и начальникам округов от 10 апреля указывалось:

...чтобы проектированное отобрание огнестрельного оружия усовершенствованных систем, а не холодного и не старого дедовского кремневого, производилось бы с соблюдением строгой последовательности, со своевременным и надлежащим оповещением населения о предпринимаемых мероприятиях, без не входящих в программу насильственных действий и без излишних и бесполезных кровавых жертв [ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 756, л. 141].

Несмотря на все усилия, борьба с абречеством приняла затяжной характер. Символом бессилия российской администрации стали смелые действия отрядов, возглавляемых Зелимханом Гушмазукаевым. Самой отчаянной акцией абреков Зелимхана стало ограбление Кизлярского казначейства 27 марта 1910 г., совершенное открыто, при свете дня. Секрет неуловимости Зелимхана был в его народной популярности. Для многих жителей Терской области он был далеко не просто удачливым бандитом, но борцом за справедливость. Иногда его имя связывалось с идеей продолжения борьбы, к которой мусульман Кавказа призывал и которую долгие годы возглавлял имам Шамиль. Российская агентура даже имела сведения, согласно которым Зелимхан в 1909 г. на съезде старейшин селений Терской и Дагестанской областей был провозглашен святым и великим имамом [Вайнахи и имперская власть, с. 251]. Кроме того, часто Зелимхан получал помощь и убежище от шейхов-зикристов [Императорская Россия, с. 423]. Некоторые исследователи полагают, что самый известный абрек Северного Кавказа прямо «присоединился» к зикристам [Хутарев-Гарнишевский, с. 165]. С другой стороны, есть свидетельства, указывающие на широкие связи Зелимхана с эmissарами радикаль-

ной младотурецкой национально-патриотической организацией «Итигат», целью которой было создание «Великой Турции» от Средиземноморья до Тихого океана [Вайнахи и имперская власть, с. 251].

Резонансные акции Зелимхана (в первую очередь налет на Кизлярское казначейство) поставили в сложное положение И. И. Воронцова-Дашкова. От наместника требовали подробных объяснений и энергичных действий Николай II и председатель Совета министров П. А. Столыпин. В объемном донесении об обстоятельствах нападения на Кизляр и ответных мерах, предпринятых имперской администрацией, кавказский наместник указывает на бесперспективность борьбы с абречеством одними карательными методами. Эту борьбу он уподобляет лечению симптомов, а не самой болезни. И. И. Воронцов-Дашков выделяет несколько «первопричин» беспорядков на Кавказе, среди которых бедность местного населения, изъятия организации административных институтов края, отчужденность между властью и народом [Вайнахи и имперская власть, с. 234]. Здесь же наместник предлагает целую антикризисную программу, включающую набор преобразований: от увеличения окладов и штатной численности административно-полицейского состава до расширения сети российских образовательных учреждений. Оценивая значение образовательной сферы для развития края, предпоследний кавказский наместник отмечал²:

Несомненно, что правильно поставленная русская народная школа, с началами грамотности на материнском языке, является первейшим средством для воздействия на мусульман русским мировоззрением. Она спасает их от вредной, с государственной точки зрения, пропаганды панисламизма и пантюркизма в школах с турецкими преподавателями и учебниками, проникнутыми нерусскими идеями, и на языке преподавания, чуждом населению, в роде арабского или адзербайджанского (чуждый для всех горцев) – в тех частных мусульманских школах, куда население посылает своих детей за неимением достаточного количества русских школ [Всепопданнейший отчет, с. 17–18].

Все это предлагалось в целях «насаждения гражданственности» и «развития культуры» в пределах Кавказского края. Иначе говоря, в видах придания нового импульса имперской модернизации на южной окраине, потеря темпа которой так дорого обошлась местному населению и имперским властям. Для проведения в жизнь обозначенных мер И. И. Воронцов-Дашков просил у Петербурга денег. В отличие от своих предшественников на посту кавказского наместника, И. И. Воронцов-Дашков был лишен финансовой самостоятельности. Деньги Кавказа были в руках Министерства финансов. Это не удивительно, учитывая важность централизованного контроля за нефтяными сборами [Правилова, с. 160].

² В цитате ниже сохраняются особенности написания источника.

Недостаток средств и упущенное время

Отсутствие широкой поддержки И. И. Воронцов-Дашков пытался компенсировать активностью и энергичностью. Наместник исходил из необходимости учета специфики традиций местного населения, сложившихся норм и практик обычного права. Наместник отменил указ о секуляризации имущества армяно-григорианской церкви. Ввел в состав Совета наместника наблюдателей от общественных организаций для участия в обсуждении спорных вопросов. Военно-народное управление, все еще действовавшее на территории Дагестана, постепенно трансформировалось в гражданское. В 1913 г. в Дагестане был создан институт мировых посредников, назначаемых местным военным губернатором из российских чиновников и «коренных» владельцев. Нехватка средств не остановила попыток И. И. Воронцова-Дашкова вернуть Российской империи на Кавказе статус первого просветителя. К 1913 г. начальных училищ на Кавказе насчитывалось уже 3037, а число учащихся в них составляло 302 664 человек. Количество общеобразовательных низших училищ достигло 107 и охватывало 20 тыс. учеников; соответственно средних учебных заведений имелось 263 (25 тыс. учащихся); специальных учебных заведений для подготовки учителей – 24 (1 100 обучающихся); промышленных училищ – 29 (3 тыс. учеников) [Всепопданнейший отчет, с. 30–31]. На фоне данных о численности населения Кавказского края, которое уже по переписи 1897 г. составляло 9,3 млн человек [Первая всеобщая перепись], а также с учетом высокого уровня естественного прироста населения, превышающего в некоторых областях общероссийские показатели [Кабузан, с. 102–103], цифры развития образовательного пространства выглядят не столь впечатляюще.

Активизация социальной политики вкупе с возрастающим военным давлением на банды абреков позволили коронной администрации восстановить контроль над ситуацией в крае к 1913 г., когда основные лидеры кавказского абречества были истреблены, а имперские власти расширили социальную базу поддержки проводимой политики. Имеющихся ресурсов хватило на стабилизацию положения, но было явно недостаточно для дальнейшего поступательного развития края по пути модернизации жизни населения, работы администрации, общего социального взаимодействия. Отсутствие средств дополнилось нехваткой времени. Начавшаяся Первая мировая война превратила все планы «обновления» Кавказа в комплект благих пожеланий.

Последний кавказский наместник – великий князь Николай Николаевич, сменивший И. И. Воронцова-Дашкова летом 1915 г., докладывая императору о необходимости проведения на Кавказе самых широких реформ во всех областях местной жизни, со смешанным чувством удивления и тревоги писал:

...нельзя не признать, что за истекшие со времени присоединения Кавказа к Русской империи десятилетия было уделено чрезвычайно мало внимания этой богатейшей окраине и проявлялась забота не столько об экономическом и культурном преуспевании, сколько о поддержании в пределах края полицейского порядка и спокойствия [Кавказ и Российская империя, с. 543].

Социально-политический кризис кавказского края рубежа XIX–XX вв. был спровоцирован падением эффективности системы управления регионом. Централизация административных практик затормозила интеграцию Кавказа в пространство империи, заменив живую деятельность мертвой формой. Восстановление Кавказского наместничества было крайним шагом, свидетельствующим о тупиковости создавшегося положения. Сам институт наместничества с его автономией и самостоятельностью наместника являлся не чем иным, как бегством от империи ради империи. Проведенные в экстремальных условиях преобразования вернули российской власти доверие населения и статус ментора. Однако многие проблемы модернизации края так и не получили полного разрешения, что способствовало дальнейшему возрастанию конфликтного потенциала и развитию центробежных тенденций. В истории Российской империи навсегда осталась актуальной известная максима отечественного историка и философа Г. П. Федотова: «Кавказ никогда не был замирен окончательно» [Федотов, с. 346].

Список литературы

- Авалов З. Д. Грузины // *Формы национального движения в современных государствах* / под ред. А. И. Кастелянского. СПб. : Общественная польза, 1910. С. 469–493.
- АКВ – Архив князя Воронцова. Кн. 38. М. : Университетская типография, 1892. 543 с.
- Архив КБИГИ – Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1.
- Бобровников В. О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие : Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М. : Восточная литература, 2002. 368 с.
- Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). М. : Российская политическая энциклопедия, 2011. 1094 с.
- Волхонский М. А., Муханов В. М. Россия на Кавказе. Пять веков истории : Научно-публицистические очерки. М. : Объединенная редакция МВД России, 2009. 488 с.
- Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом графа И. И. Воронцова-Дашкова. СПб. : [Б. и.], 1913. 52 с.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 678. Оп. 1. Д. 687.
- Законодательные акты переходного времени, 1904–1908 гг. : Сборник законов, манифестов, указов Правительствующему сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России / под ред. Н. И. Лазаревского. М. : Государственная публичная историческая библиотека России, 2010. 888 с.
- Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.) : Сборник материалов / сост. Д. Ю. Арапов. М. : Наталис, 2006. 480 с.

Исмаил-Заде Д. И. Граф И. И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. М. : Центрполиграф, 2005. 511 с.

Кабузан В. М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. Этностатистическое исследование. СПб. : Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1996. 228 с.

Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX в. СПб. : Звезда, 2005. 720 с.

Каннелер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии : Работы последних лет : антология / сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М. : Новое издательство, 2005. С. 395–435.

Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=3 (дата обращения: 11.01.2015).

Правилова Е. А. Бюджетно-финансовая политика России в Закавказье (1801–1905 гг.) // Английская набережная, 4 : Сборник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. Вып. 4. СПб. : Лики России, 2004. С. 137–162.

Прасолов Д. Н. Правовой плюрализм в административной практике пореформенной кабардинской деревни // Исторический вестник. Вып. 10. Ч. 2. Нальчик : КБИГИ, 2012. С. 28–45.

Федотов Г. П. Судьба империй // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М. : Наука, 1993. С. 328–346.

Флоринский М. Ф. Центральная власть и кавказская администрация в системе управления Российской империей в 1905–1914 гг. // Центр и регионы в истории России : Проблемы экономического, политического и социокультурного взаимодействия : сборник научных статей / под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб. : СПбГУ, 2010. С. 380–411.

Хутарев-Гарнишевский В. Российские спецслужбы, политический исламизм и сепаратизм на Северном Кавказе в начале XX и XXI веков. Историческая компаративистика. Общественно-политический фон // Большой Кавказ двадцать лет спустя: ресурсы и стратегии политики и идентичности. М. : НЛЮ, 2014. С. 160–182.

ЦГА КБР – Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики. Ф. 6. Оп. 1. Д. 756.

References

Arapov, D. Yu. (Comp.). (2006). *Imperatorskaya Rossiya i musul'manskij mir (konecz XVIII – nachalo XX v.): Sbornik materialov* [Imperial Russia and the Muslim World (Late 18th – Early 20th Century)]. 480 p. Moscow, Natalis.

Arhiv Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarny'h issledovanij [The Archive of Kabardino-Balkar Institute of Humanitarian Studies]. F. 1. Op. 3. D. 1.

Arhiv knyazy Voroncova [Archives of Prince Vorontsov]. (1892). Bk. 38. 543 p. Moscow, Universitetskaya tipografiya.

Avalov, Z. D. (1910). Gruziny' [Georgians]. In Kastelyanskij, A. I. (Ed.). *Formy' nacional'nogo dvizheniya v sovremenny'h gosudarstvah* [Forms of the national movement in modern states] (pp. 469–493). Saint Petersburg, Obshchestvennaya pol'za.

Bobrovnikov, V.O. (2002). *Musul'mane Severnogo Kavkaza: oby'chaj, pravo, nasilie: Ocherki po istorii i etnografii prava Nagornogo Dagestana* [Muslims of the North Caucasus: Customs, Law, Violence. Essays on the History and Ethnography of Law of Upland Dagestan]. 368 p. Moscow, Vostochnaya literatura.

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kabardino-Balkarskoj Respubliki [Central State Archive of the Kabardino-Balkar Republic]. F. 6. Op. 1. D. 756.

Fedotov, G. P. (1993). Sud'ba imperij [The Fate of Empires]. In *Rossiya mezhdru Evropoj i Aziej: evrazijskij soblazn* (pp. 328–346). Moscow, Nauka.

Florinskij, M. F. (2010). Central'naya vlast' i kavkazskaya administraciya v sisteme upravleniya Rossijskoj imperiej v 1905–1914 gg. [The Central Authority and the Caucasian Administration in the System of Governance of the Russian Empire between 1905 and 1914]. In Dvornichenko, A. Yu. (Ed.). *Centr i regiony' v istorii Rossii: Problemy' e'konomicheskogo, politicheskogo i sociokul'turnogo vzaimodejstviya: Sbornik nauchny'h statej* (pp. 380–411). Saint Petersburg, SPbGU.

Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation]. F. 678. Op. 1. D. 687.

Hutarev-Garnishevskij, V. (2014). Rossijskie speczsluzhby, politicheskij islamizm i separatizm na Severnom Kavkaze v nachale XX i XXI vekov. Istoricheskaya komparativistika. Obshhestvenno-politicheskij fon [Russian Secret Services, Political Islamism and Separatism in the North Caucasus in the Early 20th and 21st Centuries. Comparative Historical, Social and Political Background]. In *Bo'l'shoj Kavkaz dvadcat' let spustya: resursy i strategii politiki i identichnosti* (pp. 160–182). Moscow, NLO.

Ismail-Zade, D. I. (2005). *Graf I. I. Voronciov-Dashkov. Namestnik Kavkazskij* [Count I. I. Vorontsov-Dashkov. Caucasian Viceroy]. 511 p. Moscow, Centrpoligraf.

Kabuzan, V. M. (1996). *Naselenie Severnogo Kavkaza v XIX–XX vekah. Etnostaticheskoe issledovanie* [The Population of the Northern Caucasus Region between the 19th and the 20th Centuries: an Ethnostatistical Study]. 228 p. Saint Petersburg, Russko-Baltijskij informacionnyj centr BLICZ.

Kappeler, A. (2005). *Obrazovanie nacij i nacional'nye dvizheniya v Rossijskoj imperii* [The Formation of Nations and National Movements in the Russian Empire]. In Vert, P., Kaby'tov, P. S. & Miller, A. I. (Comps.). *Rossijskaya imperiya v zarubezhnoj istoriografii. Raboty poslednih let: antologiya* (pp. 395–435). Moscow, Novoe izdatel'stvo.

Kavkaz i Rossijskaya imperiya: proekty, idei, illyuzii i real'nost'. Nachalo XIX – nachalo XX vv. [The Caucasus and the Russian Empire: Projects, Ideas, Illusion and Reality. Early 19th – Early 20th Centuries]. (2005). 720 p. Saint Petersburg, Zvezda.

Lazarevskij, N. I. (Ed.). (2010). *Zakonodatel'nye akty' perehnogo vremeni. 1904–1908 gg.: sbornik zakonov, manifestov, ukazov Pravitel'stvyushhemu senatu, reskriptov i polozhenij Komiteta ministrov, otnosyashchiesya k preobrazovaniyu gosudarstvennogo stroja Rossii* [Legislative Acts of the Transitional Period. 1904–1908: A Collection of Laws, Manifests, Orders]. 888 p. Moscow, Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii.

Pervaya vseobshhaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g. [The first General Census of the Russian Empire in 1897]. Available at: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=3 (accessed: 11.01.2015).

Prasolov, D. N. (2012). Pravovoj plyuralizm v administrativnoj praktike poreformnoj kabardinskoy derevni [Legal Pluralism in the Administrative Practice of the Post-Reform Kabardian Village]. In *Istoricheskij vestnik* (Iss. 10, Pt. 2, pp. 28–45). Nalchik, KBIGI.

Pravilova, E. A. (2004). Byudzheto-finansovaya politika Rossii v Zakavkaz'e (1801–1905 gg.) [Russian Fiscal Policy in the Caucasus (1801–1905)]. In *Anglijskaya naber-ezhnaya, 4: Sbornik Sankt-Peterburgskogo nauchnogo obshhestva istorikov i arhivistov* (Iss. 4, pp. 137–162). Saint Petersburg, Liki Rossii.

Vajnahi i imperskaya vlast': problema Chechni i Ingushetii vo vnutrennej politike Rossii i SSSR (nachalo XIX – seredina XX v.) [Vainakhs and Imperial Power: the Problem of Chechnya and Ingushetia in the Internal Politics of Russia and the USSR (Early 19th – Mid-20th Century)] (2011). 1094 p. Moscow, Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya.

Volhonskij, M. A. & Muhanov, V. M. (2009). *Rossiya na Kavkaze. Pyat' vekov istorii: nauchno-publicisticheskie ocherki* [Russia in the Caucasus. Five Centuries of History: Academic and Journalistic Essays]. 488 p. Moscow, Ob'edinennaya redakciya MVD Rossii.

Vsepoddannejsij otchet za vosem' let upravleniya Kavkazom grafa I. I. Voroncova-Dashkova [Report for Eight-Year Governance of Caucasus Count I. I. Vorontsov-Dashkov]. (1913). 52 p. Saint Petersburg.

The article was submitted on 03.03.2015

Амиран Тариелович Урушадзе,

кандидат исторических наук,

доцент,

Институт истории и

международных отношений

Южного федерального

университета,

Ростов-на-Дону, Россия

urushadze85@mail.ru

Amiran Urushadze, Dr.,

Associate Professor,

Institute of History

and International Relationships

of the Southern Federal University,

Rostov-on-Don, Russia

urushadze85@mail.ru